Ольга Шпарага

Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности

Conditio humana

Центр исследований
по философской антропологии
Европейского гуманитарного университета

Ольга Шпарага

Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности

Вильнюс
ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2010

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3 (4 Гем)
Ш91

Рекомендовано к изданию:
Академическим департаментом философии ЕГУ
(протокол №37-3/3 от 10.04.2010 г.);
Научным советом ЕГУ (протокол №53-6 от 29.06.2010 г.)

Рецензенты:
Ковальска М., доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социологии Белостокского университета;
Пролеев С., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии НАН Украины

EUROPEAN HUMANITIES UNIVERSITY
EHUTF TRUST FUND

Издание осуществлено при поддержке Трастового фонда Европейского гуманитарного университета

Шпарага, О. Н.

Ш 91 Пробуждение политической жизни: Эссе о философии публичности. – Вильнюс: ЕГУ, 2010. – 242 с. – (Conditio humana).

ISBN 978-9955-773-42-9.

В книге предлагается философский анализ происхождения и структуры политики, учитывающий её экзистенциальное значение и ведущий к понятию «политическая жизнь». При этом «политическая жизнь» рассматривается прежде всего через привязку к беларусскому контексту 1990-х гг. Другим важным основанием обращения к «политической жизни» выступает генезис собственной мысли автора – от критической феноменологии к посттоталитарной политической философии. Кроме того, в книге делается отсылка к советскому периоду и контексту Центральной и Восточной Европы, а также затрагиваются проблемы политических трансформаций на постсоветском пространстве.

Книга адресована всем интересующимся философией, политической философией, феноменологией, а также историей идей и процессами трансформаций на постсоветском пространстве.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3 (4 Гем)

ISBN 978-9955-773-42-9

© Шпарага О. Н., 2010
© Серия «Conditio humana», 2006
© ЕГУ, 2010

Содержание

Предисловие **9**

Глава 1.
Общество как фактичность и политика как задача
(постановка проблемы) 19

1.1. Условия человеческого
существования ***vs*** природа человека 19
1.2. Философский конструктивизм в беларусском*
контексте (В. Акудович, А. Усманова) 28
1.3. Политика и модерность: господство
как оборотная сторона автономии 35
1.4. Свобода, автономия, институт:
от отграничения к разграничению социального 42

Глава 2. На пути к политической философии
(из Франции в Беларусь 1990-х) 49

2.1. От философии сознания
к производству и конституированию тела
М. Фуко: производство как косвенное
конституирование индивидуальных тел –
М. Мерло-Понти: от конституирования
сознания к телесной вовлечённости в мир 54
2.2. Три измерения конституирования
и производства телесного субъекта
Законы телесной пространственности –
Время тел – Телесная схема и её корреляции 62
2.3. О проекте критической
феноменологии и её субъектах 74
2.4. От критической феноменологии к политической
философии 83

Глава 3. От частного эстетического существования к политическому сообществу *(советский контекст)* 91

3.1. Устройство публичной сферы: отношение агона и нарратива (С. Бенхабиб, Х. Арендт)..... 91

3.2. Эстетический опыт в интерпретации Иосифа Бродского.....100

3.3. Публичность, вкус, эстетическая способность суждения и её масштаб

О публике частных лиц — От публичности к сообществу, в котором определяются общие правила 105

3.4. «Политическое сообщество» Иосифа Бродского и его границы.....122

Глава 4. Генезис ответственности и символический порядок политического *(восточно-европейский контекст)* 128

4.1. Два измерения фигуры «трансцендентного Другого»: личность и закон (Ж. Деррида и Я. Паточка).....131

4.2. Умереть за Другого: модель действия Яна Паточки 138

4.3. Полемос и *mysterium tremendum*

Демоническое, сфера труда и религия — Философия, действие, полемос — Границы «заботы о душе» и опыт mysterium tremendum 147

4.4. Политика как установление и солидарность потрясённых.....158

Глава 5. Политика как складка социального
(беларусский контекст).....164

5.1. Собственное, чужое и Европа
в перспективе пограничья.....168
5.2. Своё как складка чужого (М. Мерло-Понти) 175
5.3. Два рассказа о нациостроительстве
в Украине (Н. Рябчук) и Беларуси (В. Абушенко)
как примеры образования складок.....182
5.4. Закон, солидарность, власть и борьба
за власть: политика в нормативном
смысле слова и её границы
*Складчатость социального
и наследие марксизма-ленинизма*.....193

Заключение 210

Унтертурнер Г. *Включения и исключения* 217

Библиография.....235

* Здесь и далее по тексту в транскрипции автора.

Светлой памяти Владимира Фурса

ПРЕДИСЛОВИЕ

> Я попытался показать, что политику можно осмыслить философски и что через политику творишь самого себя.
>
> *Раймон Арон*

> ...Политическая жизнь существует лишь тогда, когда управленческая практика ограничена в своих возможных излишествах тем фактом, что она служит предметом публичных дебатов касательно ее «блага и зла», ее «чрезмерности или недостаточности».
>
> *Мишель Фуко*

Писать философскую книгу в Беларуси – это, конечно же, приключение. Потому что философу здесь есть где развернуться: философские книги, написанные беларусами, можно пересчитать по пальцам. В этой связи едва ли возможно говорить о школах и направлениях, которые следует принимать во внимание, опасаясь критики их представителей в свой адрес. С другой стороны, невозможно обманываться на тот счёт, что философский эклектизм и релятивизм, то есть произвол в выборе своих философских приоритетов, могут быть продуктивными. Поскольку они лишают рассуждения и построения всякого основания для оценок, а это чревато тем, что твоё высказывание останется посланием всем и никому.

В этом и состоит суть приключения: попытаться говорить о волнующих тебя вопросах, придерживаясь неких, уже имеющихся, прежде всего за пределами Беларуси, мыслительных традиций. И при этом отдавать себе отчёт в автоматической непереносимости их на родную почву, что может привести к возникновению собственных философских традиций и школ.

Так, мое знакомство с философией в 1990-е гг. началось с феноменологии. Однако, поскольку в чистом виде феноменология не удовлетворяла меня уже в те годы, пришлось поместить её в более широкий философский контекст, в котором она столкнулась с философией постмодернизма, не менее популярной в кругах беларусских студентов и преподавателей философии в то время. Продуктивность и одновременно ряд недостатков как феноменологии, так и философии постмодернизма, привели меня к необходимости синтеза этих стратегий, что нашло своё выражение в идее «критической феноменологии». Однако на этой идее я также не смогла остановиться. Одной из главных причин, почему это случилось, следует назвать моё пробуждение к *публичной*, или *политической, жизни*.

Это пробуждение произошло в 2004 – в год закрытия Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) в Минске, хотя предпосылки для него имелись и ранее, о чём можно было судить, к примеру, по моим критическим текстам о марксизме-ленинизме. Однако 2004-й, а затем 2006-й – год очередных президентских выборов в Беларуси – явились переломными в моей жизни, придав ей характер *подлинного свершения*. Определить этот характер с помощью прилагательного «политический» я решила вслед за чешским философом Яном Паточкой (1907–1977), понимавшим под *политической жизнью* «жизнь в активном напряжении, в ситуации постоянного риска и непрекращающегося подъёма, когда каждая пауза уже неизбежно является слабостью, и её подстерегает инициатива других»[1]. Эта жизнь, согласно Паточке, разворачивается в публичном пространстве и, следовательно, принципиально открыта для критики и всё нового переопределения её смыслов. Её участники принципиально равны друг другу с точки зрения права управлять

[1] Паточка Я. *Еретические эссе о философии истории*. Мн., 2007. С. 55–56.

своей совместной жизнью, что обеспечивается благодаря их взаимному признанию. Возможность такого признания, однако, не избавляет от риска ошибиться, что и делает поиск смысла бесконечным. Важно отметить, что в качестве синонимов политической жизни Паточка рассматривает *свободную* и *философскую жизнь*.

Свою задачу я видела в том, чтобы показать, обосновать, доказать, что именно открытия этого измерения жизни так не хватает многим мыслящим людям в Беларуси, привыкшим ассоциировать политику и публичность с деятельностью государства и борьбой за власть и полагавшим, что они не имеют никакого отношения к определению правил политической жизни. Следствием такого понимания политики является и сужение смысла понятия свободы, превращение свободы из гражданской и политической во «внутреннюю», замкнутую в границах мыслей и чувств, которые могут обсуждаться только с родными и близкими.

Наряду со способами утверждения политической жизни и её устройством меня также интересовала связь этого понятия с понятием *конструирования реальности*, использование которого в Беларуси сопряжено с рядом трудностей. Возникновение этих трудностей обусловлено тем, что в Беларуси философия и социогуманитарное знание всё ещё в значительной степени определяются *философией марксизма-ленинизма*. Именно под влиянием этой философии снова и снова актуализируется требование единственно «правильного» понимания истории, общества, жизни человека. И в таком случае любая критика в адрес такого понимания интерпретируется как проявление релятивизма, к которому и приравнивается конструктивизм[2]: мол, если мы будем понимать исторический

[2] При обращении к понятию *конструктивизм* я буду исходить из определения этого понятия П. Бергером и Т. Лукманом в книге *Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания* (М., 1995). Отправным пунктом размышлений авторов является то, что для различных людей статусом *реальных*

процесс из разных перспектив, то мы будем вынуждены ставить его достижения и преступления в один ряд. Всё выглядит так, как если бы существовали либо только универсальные и абсолютные законы, либо теоретические произвол и беззаконие, то есть полная относительность интерпретаций и истин.

Показать, что конструктивизм не тождествен релятивизму, я стремилась в ходе размышлений на протяжении всей книги. Реализовать это стремление оказалось немыслимым без обращения к понятию и исторической реальности *модерности* (*modernity*). Будучи исторически связанной с борьбой за независимость в Европе и Америке конца XVIII века, модерность знаменовала рождение самоуправляемых обществ и государств. По мнению современного социолога П. Вагнера, причисляющего себя к традиции посттоталитарной политической философии, важнейшим представителем которой является Х. Арендт, это и означало рождение *политики* в аутентичном смысле слова – как действия и практики по добровольному и совместному установлению людьми правил своей индивидуальной и коллективной жизни.

Модерность, опирающаяся на политику как совместное дело людей, оказалась *необратимым* и *открытым* процессом, поскольку, начав однажды принимать решения самостоятельно, невозможно *по своей воле* вернуться к форме жизни, когда решения принимают за тебя и ты с этим ничего не можешь сделать. Однако то, что такого рода регресс всё же возможен *вопреки нашей воле*, свидетельствует о нелинейности истории модерности, равно

обладают разные вещи, о которых, соответственно, эти люди имеют разные *знания*. Решающей для конструктивизма, согласно авторам книги, является связь *объективной фактичности* мира вещей и *субъективных значений* человеческой деятельности. Именно благодаря прояснению этой связи становится возможным понять процессы, «с помощью которых *любая* система “знания” становится социально признанной в качестве “реальности”» (Бергер, Лукман, указ. соч., с. 13).

как и наличии в ней расколов и противоречий. Вопрос о том, как можно противостоять этой тенденции, в том числе средствами *искусства*, также явился предметом моих специальных размышлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что модерность с присущим ей пониманием политики и привела с течением времени к рождению исследовательской установки конструктивизма. Занимать позицию конструктивизма означает в таком случае исходить из открытости любого социального, политического или культурного процесса. Это ведёт к пониманию его разворачивания как зависящего, с одной стороны, от тех *задач*, которые ставят перед собой вовлечённые в него действующие лица, а с другой – от тех обстоятельств или *условий*, с которыми эти задачи всегда уже соотносятся. Избегание при анализе этого столкновения как *логики детерминизма*, делающей задачи абсолютно зависимыми от условий, в которых они формулируются, так и *логики релятивизма*, и является основной установкой конструктивизма в философии и социальных науках. Необходимо в таком случае разыскивать решения, позволяющие критически и творчески соотносить наши планы и желания с наличными условиями.

Такое разыскание невозможно далее без введения *нормативного горизонта политики*, поскольку оборотной стороной установки модерности на обретение индивидуальной и коллективной *автономии* выступает *господство* – установка на подчинение природы, других и себя самих. Нормативный горизонт и должен позволять проводить различия между автономией и господством, а также между обществами, в которых доминирует установка на автономию, и теми, которые руководствуются установкой на господство. Этот горизонт, однако, не должен подчиняться некоему утопическому идеалу, наподобие идеала коммунистического общества. Поскольку в качестве его важнейшего смыслообразующего элемента должна быть рассмотрена *ценность конкретных человеческих жизней*, постоянно находящихся под угрозой наси-

лия со стороны других людей, государства, культурных и общественных практик. И именно понятия *публичности* и *политической жизни* позволяют избавить эту ценность от налёта лозунгов и обещаний, знакомых нам по советским временам и скрывающих за собой двоемыслие и государственный произвол.

Ведь именно благодаря публичному пространству насилие может быть выведено на свет и рассмотрено как потенциальная угроза для всякого человека, противостояние которой нуждается в стимулировании *политической жизни* как через личный пример, так и через соответствующие институты. Способность выносить суждения о политике и задача создавать условия для её формирования, ответственность, Дар и символическое воплощение политики в законах и институтах, борьба за власть и солидарность – эти и другие составляющие политической жизни должны служить предметом постоянного публичного обсуждения, в котором только и может родиться свобода, предполагающая равенство и справедливость.

***

Итак, *первая глава* книги посвящена обоснованию целесообразности анализа беларусского общества согласно логике модерности, что требует переосмысления понятия политики и конструктивистского подхода в философии и социогуманитарном знании. Наряду с понятиями условий человеческого существования (Арендт) и задач по их интерпретации (Фуко) в этой главе будут затронуты понятия норм и институтов, амбивалентный характер которых связан с присущим модерности ключевым напряжением между автономией и господством. Специальное внимание уделяется анализу конструктивистского подхода таких беларусских авторов, как Альмира Усманова и Валентин Акудович. Этот анализ приводит к необходимости введения нормативного измерения в философские построения.

Во *второй главе* представлена определённая версия генезиса философии конструктивизма внутри белорусского философского ландшафта 1990-х гг. Эта версия также отражает мой собственный философский поиск тех лет, в центре которого находился спор феноменологии с философией постмодернизма. Для меня важнейшим итогом этого спора явилась идея «критической феноменологии», синтезирующей преимущества обоих философских направлений, а также делающей очевидной необходимость обращения к политической философии.

В *третьей главе* книги я попыталась раскрыть содержание понятия нормативного горизонта политики, важнейшим связующим элементом которого окажется принцип публичности, как его понимают Х. Арендт, Ю. Хабермас, С. Бенхабиб и др. Обращение в этой главе к советскому контексту находит своё оправдание в том, что нечто наподобие этого контекста мы имеем в Беларуси в начале XXI века, когда пытаемся осмысливать и утверждать публичность. Поэтому позитивный опыт прорыва к публичности советского времени, обнаруженный мною в литературном тексте И. Бродского, может быть полезным для нас сегодня.

Четвёртая глава книги переносит читателя в мыслительный контекст Центральной и Восточной Европы, с обращением к которому я связываю главные надежды по пробуждению в Беларуси *политической жизни*. В диалоге с Яном Паточкой я обосную необходимость дополнения понятия публичности понятием *ответственности* как важнейшего элемента коллективного действия. Другим направлением размышлений в этой главе выступает исследование связи порядка ответственности с символическим порядком законов и институтов.

Наконец, в *пятой главе* я снова вернусь к Беларуси и попытаюсь рассмотреть ранее введённые элементы *нормативного горизонта политики* в связи с процессами нациостроительства и доминирующим в Беларуси сведением политики к отчуждённой от граждан борьбе за власть.

Центральным понятием этой главы является понятие *складки* позднего М. Мерло-Понти. Это понятие, с одной стороны, снова возвращает нас к идее «критической феноменологии», а с другой – позволяет конкретизировать содержание *политической жизни*, поиск путей пробуждения которой и должен быть рассмотрен в качестве главной смысловой связующей всей книги.

***

В книге также содержится текст моего австрийского коллеги, доктора философии Герхарда Унтертурнера, который был представлен в 2007 г. на международной конференции «Пространство и место: противоречия одной парадигмы» Немецкого феноменологического общества (Дармштадт, Германия) как содоклад моего выступления на тему «Разомкнуть пространство: к понятию посттоталитарной публичности». Мой собственный доклад явился первым вариантом *третьей главы* этой книги, в переработанной версии представленный в 2008 г. на международной конференции «Европейские образы человека» (Дрезден, Германия) и опубликованный в сборнике на немецком языке под аналогичным названием[3]. В этом же году текст, лёгший в основу этой главы книги, претерпев при этом некоторые коррективы, обсуждался в рамках аспирантского философского семинара в ЕГУ и был опубликован на русском языке в журнале *Топос*[4].

Примерно такая же судьба у всех остальных глав этой книги, за исключением того факта, что ни одна из них, кроме указанной выше, не публиковалась на русском языке. Первая версия *второй главы* была представлена в

[3] Sparaga O. Wie überwindet man das Imperium? Oder: Zur europäischen Geschichte der Freiheit // H-B. Gerl-Falkovitz, S. Gottlöber, R. Kaufman, H.R. Sepp (Hrsg) *Europäische Menschenbilder*. Universitätsverlag&Buchhandlung Thelem, 2009. S. 227–237.

[4] Шпарага О. К вопросу о генезисе политического, или Об эстетических условиях существования нетиранического общества // *Топос*. 2008. № 3(20). С. 5–27.

2003 г. сначала в рамках IX Немецко-французского коллоквиума на тему «Что такое человек?» (Эвиан, Франция), затем в том же году в рамках Второй феноменологической конференции Центральной и Восточной Европы на тему «Язык, коммуникация, повседневность» (Минск, Беларусь) и на XIV Международном коллоквиуме в Центре теоретических исследований (Прага, Чешская Республика) и опубликована на немецком языке в *Tonoce* и сборнике *Phenomenology 2005. Selected Assays*[5].

Первая версия *пятой главы* (за исключением части 5.4) представлялась в 2005 г. в Институте наук о человеке (IWM) в Вене в рамках Международной конференции «Жизненный мир и политика» и публиковалась затем на немецком языке в сборнике с аналогичным названием[6]. Различные варианты этого фрагмента книги обсуждались на междисциплинарном семинаре «Беларускае мысьленьне: генэалёгія, кантэкст, пэрспэктыва» в Институте философии НАН РБ и на международной конференции «Трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)» Центра перспективных научных исследований и образования (CASE) при ЕГУ[7].

Наконец, первая версия *четвёртой главы* была представлена в 2008 г. в Институте наук о человеке в Вене в

[5] Sparaga O. Versuch einer kritischen Phänomenologie: vom produzierten Körper (Foucault) zum sich konstituierenden Leib (Merleau-Ponty) und zurück // *Topos*. 2005. № 11. S. 115–128; Phenomenology 2005. Selected Assays from Northern Europe. Part 2; H.R. Sepp, I. Copoeru (Eds) // *Post Scriptum*. O.P.O. Series. P. 659–684.

[6] Sparaga O. Das Eigene als Falte des Fremden. Zu neuen Formen des Zusammenlebens in Europa // G. Leghisa, M. Staudigl (Hrgs) *Lebenswelt und Politik. Perspektiven der Phaenomenologie nach Husserl*. Wuerzburg: Koenigshausen u. Neumann, 2007. S. 261–273.

[7] Итогом этих обсуждений явились тексты: Шпарага О. Как и зачем концептуализировать Беларусь? (Соображения, вызванные к жизни текстом В. Миньолы) // *Перекрестки*. 2004. № 1–2. С. 198–208; Шпарага О. О необходимости субъективации пограничья // *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья* (сборник статей). Вильнюс: EHU-International, 2005. С. 36–46.

рамках международного коллоквиума на тему «Христианство, история и Европа. Философия истории Яна Паточки». Этот фрагмент затем подвергся существенной переработке в рамках полуторамесячной (март-апрель 2009) стажировки в Архиве Яна Паточки в Праге.

Мне хотелось бы выразить искреннюю благодарность всем тем людям, без которых эта книга вряд ли стала возможной: Александру Адамянцу и Алле Вайсбанд, Михаэлю Штаудиглю, Людгеру Хадегорну, Бернхардту Вальденфельсу, Ивану Хватику, Райнеру Зеппу и Алексею Браточкину. Надеюсь также, что эта книга достойна посвящения моему учителю Владимиру Фурсу.